

История села Георгиевка (из фонда Краеведческой комнаты Георгиевской средней школы)

Деревня Георгиевка Ребрихинского района своим возникновением обязана кержакам-раскольникам. Наши кержаки называют себя поморами.

В середине XIX в. на место современной деревни Георгиевки из Шелаболихи наезжал купец Георгиев. Он закупал у крестьян в окрестных деревнях скот и оставлял стада на все лето под надзор пастухов. На берегу речки Фунтовки он построил заимку: эта Георгиевская заимка и стала началом будущего селения.

В этот период из Европейской России стало прибывать много переселенцев: в селах появились никонианские церкви и священники, которые стали притеснять староверов, оскорблять их религиозные чувства. В знак протеста и в поисках свободной земли староверы бросали обжитые места и переселялись в глухие, необжитые местности. Георгиевская заимка оказалась для них подходящим местом.

Первым из поселенцев сюда приехал из села Ребриха старообрядец Мельников Андрей с сыновьями Иваном и Антропом. Вскоре к ним подселились единоверцы из разных сел Алтая. Кузьма Орехин с сыновьями Агафонов и Никитой перевезли свой дом из соседнего села Ворониха. Яков Сибирин с большой семьей и со всеми пожитками перебрался из села Шилова, за полтора верст. Пригласили к себе из села Фунтикова отца духовного **Евстифора Васильевича Вяткина**. Образовалась старообрядческая община поморского согласия.

Отвергая мирские соблазны, община проповедовала аскетизм как путь в царство небесное. Религиозный фанатизм их доходил до преклонения даже перед божьей бородой: они считали за грех стричь на голове волосы: «Образ божий в бороде, а подобие в усах»; «Без бороды в рай не пустят».

В патриархальной жизни кержаков не было курильщиков, пьяниц, воров, лодырей и хулиганов. Однако ни религия, ни воздержание от грехов не

избавляли от грубых первобытных нравов. Недаром говорили: «Что дом, то содом, что двор, то гомор, что улица, то...».

В середине XIX в. в Георгиевке насчитывалось всего 10 домов: они стояли в один ряд на восточном берегу Фунтовки. Дома строили большие, по 4, по 6 комнат со связью. На тесовых воротах висел большой медный крест.

Вот что рассказала **Аксинья Андроновна Сибирина**:

«Я родилась в 1882 году в семье Орехиных. Была я по счету 17-я. Меня, как и всех детей нашей общины, воспитывали в страхе Божиим и послушании. Учил нас сам отец духовный, строгий и требовательный. Бывало, кто не выучит урока или молитвы, того ставил на колени, на горох, бил по голове линейкой. Если увидит в праздник весной нас на качелях, то веревки обрежет. Мне скоро исполнится уж сто лет, а я все помню, как меня в детстве стращали мирским Антихристом и адом крошечным, как **водили в божий дом, в моленную**. Все религиозные обряды впитывали с молоком матери, и все соблюдали их до старости.

Мой прадед Никита Кузьмич Орехин прожил более ста лет. Был набожный, знал Священное Писание не хуже отца духовного. **Он в споре побеждал образованных церковников**. И в семье он был старшой. Три сына, сами уже старики, слушались батюшку и повиновались. Бывало, он встанет рано, походит по двору, войдет в дом: «Тьфу, Господи прости, все спят! Как не к дому, сами-те лежебоки!» Больше никак не ругался, а его все боялись. Как-то он рассердился и хотел разделить сыновей. Бородатые дети расплакались: знали, что старшой себе оставит львиную долю.

Орехины жили богато: держали полсотни коней, много коров, стояло семь амбаров хлеба. Когда же Никита Кузьмич умер, то братья сами сразу разделились на три дома. Но и после раздела Орехины жили дружно, помогали друг другу».

Религиозная община, замыкаясь в самой себе от внешнего мира, от царской реакции, сама превратилась в реакционную секту против мирских

переселенцев. По натуре кержаки были не злые, не воры, не разбойники, постоянно помогали друг другу. Змею не обидят – Божья тварь. Бывало, Мелентий Вяткин едет из лесу, конь увязнет в сугробе. Мелентий выпрягает коня и сам встает в оглобли, вытаскивает воз на ровную дорогу. Но тот же Мелентий хладнокровно охотился на переселенцевских ходоков, пришедших за тысячи верст за счастьем: «Расейских рябчиков стрелять ездил, паря», - хвалялся он.

Но и переселенцы были отчаянные головы. Наперекор старообрядческой общине в 1886 году в Георгиевку приехал курский крестьянин Филат Киреевич Кукин. После отмены крепостного права ему надоело быть временно обязанным своему помещику, и он удрал в Сибирь со всей семьей. На берегу Фунтовки поставил шатер, как цыган, начал строить себе дом.

Кержаки не спорили, а молчком приходили вечером и раскатывали сруб до основания, стеновые бревна увозили на конях подальше, бросали в речку. Три раза Филат Кукин принимался собирать дом заново, и каждый раз староверы разрушали постройку. Филат и добром упрашивал, и вместе с сыном Иваном брали ружья и пугали выстрелами. Но кержаки были не из пугливых.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не старик Мельников, кержак, которого считали колдуном и побаивались. Добрый старик посоветовал Филату сложить сперва печь, затопив ее до захода солнца, чтобы кержаки увидели дым из трубы. Дым без огня не бывает, а огонь – от Бога. Верующие не посмеют разрушить очаг, освященный Божьим огнем. Так и сделали. И погромщики пришли поздравить Филата с новосельем.

Филат Кукин стал известен в округе как мастер-настройщик гармоней. Старообрядцы считали гармонь бесовской забавой, ворчали: «Проклятый колдун, помог поселить к нам скомороха!». А «скоморох» жил всегда насто-роже, держал заряженные ружья и злых собак, ожидая нападения кержаков.

Ходит по селу легенда: кержаки убили одного ходока около речки Фунтовки, где теперь находится центр села. Убили и вытряхнули из карма-

нов «рябчика» монеты и бросили убитого в трясины, приговаривая про себя: «Прости, Господи, наши прегрешенья, не остави нас своими милостями!».

Старообрядческая община постепенно росла. Приехали приверженные староверию Занины, Кайгородовы, Поповы, Шибяевы. К концу XIX века в деревне насчитывалось 37 дворов. Сами староверы считали себя изгнанниками, страдальцами за старую веру.

Иван Дементьевич Волков 12 лет ходил в кандалах на каторге за то, что в селе Шилово, будучи отцом духовным, утопил в пруду человека, крестя его в старую веру. Переусердствовал, купая в проруби пожилого мирского переселенца, и человек ушел ко дну, не вынес ледяной купели. Волкова осудили на каторгу, и после отбытия наказания запретили возвращаться в родное село. А Георгиевская община встретила каторжника с распростертыми объятиями как святого мученика. Все угождали ему, помогали в хозяйстве, и только просили об одном: «Иван Дементьевич! Помолись за нас, грешных! Твоя молитва до Бога скорее дойдет: ты за веру пострадал».

Каторжник охотно отмаливал чужие грехи, а свое преступление считал подвигом: «Так было Богу угодно».

Крещение в старую веру проходило и в Георгиевке. Герасим Грязнов из Белова захотел переселиться к кержакам, которые обещали ему райскую жизнь. Пришлось менять веру мирскую на старообрядческую. На праздник Крещения, в сорокоградусный мороз, собралась на пруду вся община. В тулупах зрителям и то было холодно. Герасим разделся догола и нырнул в ледяную воду. Отец духовный прочел молитву, нарек парню новое имя: Герасим стал Мартемьяном. Новокрещенный ослабел, ему помогли вылезти из проруби, растирали посиневшее тело, одели в тулуп, ухаживали, как за ребенком. Затем такое же крещение повторилось и с его матерью, пожилой женщиной. Но еще большее испытание ждало Грязновых впереди: Герасим еле бросил курить, забросил любимую гармонь, отрастил бороду, невольно превратился в богомольника. А мать после крещения вскоре заболела и умерла от чахотки.

Зато община дала Герасиму большой надел земли. Помогла построить новый дом и женила на молодой кержачке. Живи – не тужи!

Так пополнялась кержацкая Георгиевка, укрепляя свои старые домо-строевские порядки, проповедуя, как веровать Богу. Так хозяйничали безраздельно кержаки до конца XIX века. Так они думали жить и в XX веке. А с Запада все прибывали новые переселенцы разных губерний России.